

Гендерные исследования российского двадцатого века

Н. Л. Пушкарева, О. В. Большакова

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Большакова О. В. Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 318–328. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119>

Статья представляет собой обзор работ англоязычных авторов, собранных в форме «путеводителя» — сборника, отредактированного профессором университета в Глостершиле (Соединенное Королевство) Меланией Илич и опубликованного в Лондоне в 2018 г. международным издательством «Дом Палгрейв Макмиллан». Сборник позволяет оценить итоги развития W&GS (Women and Gender Studies — женских и гендерных исследований) за последнюю четверть века. Исследования эти велись зарубежными авторами на российском материале и охватили практически век российской и советской истории. В данном обзоре рассмотрены более двух десятков статей в области женской и гендерной истории России советского и постсоветского периодов, оценен их вклад в возрождение российской историографии и поиск ими новых подходов и методов исследования. Влияние этих работ рассматривается в контексте текущих дискуссий о социальных и культурных подходах к истории женщин и пола, а также о роли индивидуального и коллективного, своеобразного и универсального в истории. Авторами статьи отмечены те изменения, которые произошли в изучении женской истории после распада СССР и открытия страны для иностранных исследователей. Новый социально-политический контекст, полагают авторы, способствовал обогащению источниковой базы, включению в нее устной истории, имагологии, повседневноведения. Авторы подчеркивают важность плодотворного диалога российских историков с представителями ведущих западных школ. Сборник важен для русскоязычного читателя, поскольку содержит сводку оценок и мнений современных западных историков о женской истории России и СССР за последние 100 лет (1900–2000). Редактор книги,

Наталья Львовна Пушкарева — д-р ист. наук, профессор, гл. науч. сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Российская Федерация, 119333, Москва, Ленинский пр., 32а; pushkarev@mail.ru

Natalia L. Pushkareva — PhD in History, Professor, Chief Research Fellow, Head of Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 32a, Leninskii pr., Moscow, 119333, Russian Federation; pushkarev@mail.ru

Ольга Владимировна Большакова — канд. ист. наук, зав. сектором истории России, вед. науч. сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 51/21; jkmuf16@gmail.com

Olga V. Bolshakova — PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher, Head of Russian History Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation; jkmuf16@gmail.com

Статья написана в рамках темы НИР «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы» (2019–2023).

This article is written as a part of a project for scientific work “Gender Studies: Social, Historical, Cultural and Anthropological Perspectives” (2019–2023).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

а также рецензенты сборника подчеркнули важность институционализации направления женских и гендерных исследований, которая выразилась в создании множества научных центров и женских некоммерческих организаций, объединивших женщин-единомышленниц, увлеченных историей женщин.

Ключевые слова: западная историография, женские и гендерные исследования, история России, история СССР, XX век.

Gender Studies of the Russian Twentieth Century

N. L. Pushkareva, O. V. Bolshakova

For citation: Pushkareva N. L., Bolshakova O. V. Gender Studies of the Russian Twentieth Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 1, pp. 318–328. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.119> (In Russian)

The article reviews works of English-speaking authors collected in the form of “*The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*” edited by Professor Melani Ilic and published in London in 2018 by the international publishing house Palgrave Macmillan. This collection made it possible to evaluate the results of the development of W&GS in the Russian history over a quarter of a century. This article considers more than two dozens of articles in the field of women’s and gender histories in Russia during the Soviet and Post-Soviet periods, and assesses their contribution to the revival of the Russian historiography and the search for new approaches and research methods over the last twenty five years. The impact of these works is considered in the context of current debates about social and cultural approaches to the history of women and gender, and about the role of the individual and the collective, the peculiar and the universal in history. The authors underline the importance of the fruitful dialogue between Russian historians and representatives of the leading Western schools. The collection is valuable for the Russian-speaking reader since it represents a variety of contemporary opinions on the female history of Russia and the USSR over the past 100 years. Reviewers note the changes that occurred in the discipline after the collapse of the USSR and the opening of the country to foreign researchers; these events contributed to enriching the source base, including oral history, imagology, and everyday life history. The editor of the book, as well as reviewers of the collection, emphasize the importance of institutionalizing of women’s and gender studies, which was reflected in the creation of various NGOs that unite like-minded women who are passionate about women’s history.

Keywords: Western historiography, women and gender studies, history of Russia, history of the USSR, 20th century.

Весной теперь уже далекого 1989 г. небольшое число исследовательниц, увлеченных «женской темой» в истории, собралось в Беладжио (Италия), где и было принято решение о необходимости создания Международной федерации, которая бы их объединила. В августе 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук такая федерация была основана (IFRWH) и за 30 лет своего существования сплотила сотни исследователей в более чем 100 странах мира¹.

Чего достигли гендерные историки за обозначенный период своей работы?

Некоторое представление о современном состоянии женских и гендерных исследований (далее — W&GS) дает публикация в 2018 г. международным книж-

¹ *Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 66.

ным издательством «Дом Палгрейв Макмиллан» сборника, скромно названного «путеводителем»² (таковых у издательства много, все они тематические), обобщившего труды по изучению женской и гендерной истории России в XX в. Вне сомнения это фундаментальное (более чем на 500 страниц) сводное издание — значимое событие в мировой историографии, достойное специального освещения.

Во введении к сборнику, состоящему из тридцати впервые публикуемых самостоятельных статей, инициатор и его главный редактор профессор советской истории университета Глостершира (Великобритания) Мелания Илич, специалист по женской истории советского периода³, верно отметила: получив в 1990-е мощный импульс после распада СССР, W&GS сполна использовали открывшиеся перед ними возможности, в том числе в плане публикаций и создания новых учебных и организационных структур. Источниковая база этого направления стремительно обогатилась в связи с облегчением доступа к архивам, но главным образом благодаря многочисленным полевым исследованиям, что привело к сближению гендерной и устной истории, расширивших горизонты изучения гендерных аспектов повседневности. Общим успехом направления и сделанных в рецензируемом сборнике обобщений стоит считать то, что в методологическом отношении женские и гендерные исследования российского прошлого продолжают быть мульти- и междисциплинарными. В работе над книгой приняли участие историки, политологи, социологи, географы, экономисты, специалисты по культурологическим исследованиям, литературоведы и лингвисты из Австралии, Великобритании, Венгрии, Канады, Латвии, Литвы, США, Швеции, Швейцарии, Эстонии и Южной Кореи.

Сборник построен по хронологическому принципу. Его начинают статьи о критическом для истории России «преддверии революции» 1917–1922 гг. и завершают тексты о проблемах сегодняшнего дня, дабы дать представление о нынешней ситуации в женских и гендерных исследованиях на бывшем советском пространстве. Насколько репрезентативна выборка авторов и проблематики — вопрос сложный, тем более что особую группу в авторском коллективе составляют наши соотечественники и выходцы из бывших советских республик, ныне работающие за рубежом, особенно в Великобритании. Не секрет, что поначалу (в конце 1980-х–1990-х) не Соединенное Королевство, а Штаты диктовали российским специалисткам в области женских и гендерных исследований спектр тем и научную повестку дня⁴. Авторы же данной книги в подавляющем большинстве британки, в том числе из поколения старых русисток, давно пишущих по женской теме.

Среди использованных авторами источников немало впервые введенных в научный оборот (архивных), но основную группу составляют законодательные и делопроизводственные документы и особенно пресса: именно они позволяют реконструировать представления государства о гендерных нормах в России с 1910-х до 1990-х годов. Значителен интерес и к визуальным источникам (плакаты, постеры,

² The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union / ed. by M. Ilic. London, 2018.

³ См., в частности: Ilic M. 1) Women in the Khrushchev era / eds M. Ilić, S. E. Reid, L. Attwood. New York, 2004; 2) Life stories of Soviet women: The interwar generation. London; New York, 2013.

⁴ *Большакова О.В.* История России в гендерном измерении: Современная зарубежная историография. М., 2010. С. 10.

карикатуры) — но использование их однотипно: на их основании воспроизводятся гендерные ожидания властей в разные периоды. Поскольку традиционное историописание постоянно усредняло позиции и оценки индивидов, подход гендерных историков очевидно нацелен на сбор и изучение историй женских жизней (статьи А. Раули о Е. Брешко-Брешковской, С. Нэви о В. Засулич, Е. Калеменовой и Ю. Лайюс о советских женщинах-полярницах и др.)⁵. Авторы являют умение эмпатически понять своих «героинь», а собранные ими материалы — уникальные свидетельства той исторической субъективности, без которой невозможно воссоздание истории женской повседневности и женской исторической памяти. При традиционном внимании к художественной литературе, особенно популярной и «третьесортной» (как источнику по истории массового сознания)⁶, в сборнике очевидно внимание к такому малоисследованному в России типу источников, как кулинарные книги и руководства по домоводству, домашней неофициальной медицине, позволяющее переместить фокус внимания на общество. Наконец, весьма популярная у социологов «нетнография» (netnographic study — исследование соцсетей, Net'a) выступает в качестве методики, позволяющей проанализировать диапазон современных точек зрения в отношении рождения детей в постсоветской России (правда, авторы статьи Л. Этвуд и О. Исупова⁷ почему-то основное внимание уделили не сетевому дискурсу, а речам В. В. Путина и его взглядам на демографический кризис, весьма традиционным и авторитарным).

Среди множества статей сборника особое значение для самоидентификации дисциплины имеет текст Б. А. Энгел — матриарха W&GS⁸. Текст автобиографичен, позволяет понять, как рождалось гендерное направление в американской русистике, и осознать траекторию развития женских и гендерных исследований России на Западе с 1970-х годов. Автор подчеркивает роль Р. Стайтса как пионера исследований женского освободительного движения в России, мечтавшего своими книгами «сделать мир лучше, помочь всем угнетенным»⁹ и столь много внимания уделявшего женскому радикализму. Ею верно указаны ограничения той эпохи (холодной войны): недостаток источников, недоступность части советских архивов для иностранцев, фиксация внимания только на поисках причин революции, что заставляло изучать либо политические институты, либо оппозиционные силы. Те ограничения наложили отпечаток на тематику: изучалась публичная, а не частная жизнь женщин, их роль в освободительном движении, отдавалось предпочтение известным фигурам (А. М. Коллонтай); и советская, и американская наука использовала категорию *отсталости* в применении к женщинам (противопоставленным сознательным рабочим-мужчинам, «сделавшим» революцию).

⁵ Rowley A. Russian revolutionary as American celebrity: A case study of Yekaterina Breshko-Breshkovskaya // The Palgrave handbook... P.7–24; Nagy S. Vera Zaslulich: The legacy of a female terrorist // Ibid. P.25–40; Kalemeneva E., Lajus J. Soviet female experts in the Polar regions // Ibid. P.267–284.

⁶ Krafft K. E. Sophia on the street: Boulevard literature denies the Divine // The Palgrave handbook... P.41–54; Tabachnikova O., Vinokurova N. New Russian 'Macho' between literature and life // Ibid. P.429–446.

⁷ Attwood L., Isupova O. "To give birth or not to give birth?": Having children in Soviet and Post-Soviet Russia // Ibid. P.447–462.

⁸ Engel B. A. On the eve: Gender, historiography and the prelude to revolution // Ibid. P.55–68.

⁹ On the eve: Gender, historiography and the prelude to revolution // Ibid. P.56.

Бурное развитие W&GS «после Стайтса»¹⁰ привело к «профессионализации дисциплины, отчего ушло в прошлое ощущение высшей цели, которое было присуще ей вначале». К тем же выводам пришли и российские ученые¹¹. К достижениям в развитии направления W&GS Энгел отнесла встроенность гендерной проблематики в изучение социального прошлого в целом, специальное изучение истории крестьянок (с использованием демографических подходов, данных этнологии), интерес к маргинальным группам (проституткам, ведьмам, кликушам), к роли женщин в процессах модернизации (консюмеризма), в профессиях (учителя, журналисты, врачи и медсестры). Первопроходческим исследованием женской истории как составной части новой социальной истории Б. Энгел считает книгу Л. Энгелстайн «Ключи счастья», явившей «потенциал дискурсивного анализа» и начавшей в том числе исследование истории русской маскулинности как социального конструкта или опыта, важного элемента саморепрезентации мужчин и их социальной власти¹².

В то же время она справедливо отметила, что актуальные сегодня исследования России как империи явно недостаточно учитывают гендерный аспект, и в этом отношении существуют большие перспективы, особенно когда речь идет об «отсталых» восточных регионах¹³. Действительно, при заметном интересе зарубежных и российских историков к изучению имперского прошлого России (следует особо упомянуть издаваемый в Казани журнал «Ab imperio: исследования по новой имперской истории и национализма в постсоветском пространстве») большинство этих либерально мыслящих специалистов удивительным образом обходится без категории гендера, что достаточно странно, учитывая идеи Э. Саида о «мужском» Западе и «женском» Востоке¹⁴.

В других статьях рецензируемой книги, хронологически относящихся к пред-революционной и революционной России, написанных более молодыми, нежели Б. Энгел, авторами, досадно мало обобщений, хотя новый архивный материал впечатляет. Некоторыми авторами дается новый ракурс старой темы (как в основанной на анализе визуальных источников статье Э. Роули о Е. Брешко-Брешковской)¹⁵, разбирается необычный аспект — семейная жизнь профессиональных революционеров (К. Тертон)¹⁶, анализируется небанальный источник — бульварная литература, переформатирующая образ вечной женственности, созданный русскими символистами (Э. К. Краффт)¹⁷. Статья отражает огромный интерес последних десятилетий к российской массовой культуре начала прошлого века и предлагает более глубокие интерпретации «потрясения основ» накануне революции.

¹⁰ Огромную роль сыграла его книга: *Stites R. The women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism, and bolshevism, 1860–1930*. Princeton, 1978.

¹¹ *Pushkareva N. Gendering Russian Historiography // Women's History in Russia: (Re) Establishing the Field / eds M. Muravyeva, N. Novikova*. Cambridge, 2014. P. 2–15.

¹² *Engel B. A. On the eve: Gender, historiography and the prelude to revolution // The Palgrave handbook...* P. 60.

¹³ *Ibid.* P. 61.

¹⁴ *Said E. Orientalism*. New York, 1978. — См.: *Большакова О. В. Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны*. М., 2013. С. 126.

¹⁵ *Rowley A. Russian revolutionary as American celebrity...*

¹⁶ *Turton K. Gender and family in the Russian revolutionary movement // The Palgrave handbook...* pp. 69–82.

¹⁷ *Krafft K. E. Sophia on the street...*

Рецензируемый сборник не имеет разделов, но по заголовкам легко выделить блок статей, посвященных межвоенному периоду 1918–1941 гг. и Второй мировой войне. Все авторы подходят к собранному ими материалу с точки зрения его годности или негодности для оценки большевистского проекта «создания новой женщины» и изменений в нормах фемининности. Выводы авторов (что российских, что англоязычных) на удивление схожи: отношение власти к работающим женщинам было «противоречиво», «амбивалентно», подвержено традиционным предрассудкам (А. Клоц, М. Илич, Ю. Градскова)¹⁸. Статья Э. Уотерс о политической пропаганде в Ташкенте в 1924–1945 гг. весьма убедительно показала интерсекциональность категорий *гендер* и *нация*, равно как противоречия советского «антиколониализма», транслировавшего идеологию модернизации и эмансипации из центра на восточную периферию¹⁹.

Тот же период советских экспериментов в управлении семейной политикой и конструировании образа «новой женщины» стал предметом публикации британского историка Дж. Уотерлоу²⁰, основанной на материале политических анекдотов 1930-х годов, записанных в делах осужденных по соответствующей статье и в материалах Гарвардского проекта. Автор-мужчина справедливо заметил, что хорошо изученная тема существует в историографии, представляя «точку зрения мужчин»²¹. Полное отсутствие «новой советской женщины» в анекдотах, где женщина предстает либо как сексуальный объект, либо как помощница, либо как «бабушка» (с присущими ей фольклорными аллюзиями) — веское подтверждение надуманности индоктринируемого образа и курса.

Иное дело — статьи, подготовленные авторами, изучавшими советскую военную повседневность. Два текста сборника посвящены фронтовичкам, теме гендерного равенства в обстоятельствах экстремальной обыденности — времени, когда на передний план вышли «три дискурсивных столпа сталинского понятия Родины: материнство, семья, патриотизм»²². Р. Марквик, говоря о вкладе советских женщин в тылу и на фронте в победу над Германией, не вышел за рамки известной концепции о репрессивном государстве, политика которого в итоге парадоксальным образом не уравнила мужчин и женщин, а привела к большему обесцениванию человеческих жизней, женских в том числе. В статье его коллеги из Швейцарии К. Шайде²³ о военнослужащих-женщинах на фронтах Второй мировой деликатно поставлена тема, требующая дальнейшей разработки, — сексуальных отношений на фронте, поддерживавших стереотипы, а не разрушавших их (особенно в ситуации дисциплинарных конфликтов), равно как этноконфессиональных различий

¹⁸ *Klots A.* The kitchen maid as revolutionary symbol: Paid domestic labour and the emancipation of Soviet women, 1917–1941 // *The Palgrave handbook...* P. 83–100; *Ilic M.* “Equal pay for equal work”: Women’s wages in Soviet Russia // *Ibid.* P. 101–116; *Gradska Yu.* Emancipation at the crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question” // *Ibid.* P. 117–132.

¹⁹ *Waters E.* Heroism in the frame: Gender, nationality and propaganda in Tashkent and Moscow, 1924–1945 // *Ibid.* P. 199–216.

²⁰ *Waterlow J.* Babushka, harlot, helper, joker: Women and gender in 1930s political humour // *Ibid.* P. 133–148.

²¹ *Ibid.* P. 134.

²² *Marcwick R.* “The Motherland calls”: Soviet women in the Great Patriotic War, 1941–1945 // *Ibid.* P. 217.

²³ *Scheide C.* “Unstintingly master warfare”: Women in the Red Army // *Ibid.* P. 233–248.

в социальном поведении женщин, ушедших воевать. Оба автора подчеркнули, что гендерные нормы в ходе войны не изменились.

В нескольких статьях, большинство из которых основано на историях женских жизней, исследован опыт выживания женщин в тяжелые послевоенные годы, проанализирована выработка женщинами жизненных стратегий по адаптации и профессиональной самореализации. Репрессии сталинской эпохи нашли отражение в статьях Дж. Джо и Л. Курвет-Каосаар²⁴. Опыт депортаций, отраженный в биографиях корейских и эстонских женщин, осмыслен в них с разной степенью теоретической основательности, но оба текста вводят важную и малоисследованную проблему гендерных особенностей аккультурации и адаптации. Обычно подобная проблематика находится в центре изучения этнологов и антропологов. Однако проблема миграций и гендерной специфики приспособления к новым условиям жизни может быть рассмотрена и на материале вынужденных перемещений (в ходе командирований) женщин-ученых на Крайний Север (эта тема представлена в статье Е. Калеменовой и Ю. Лайус о геологе М. В. Кленовой и архитекторе-планировщице Т. В. Римской-Корсаковой)²⁵ и на материале адаптаций деревенских жительниц к городской жизни (обобщение результатов международного проекта «Память о советских временах в жизненных историях» в статье Л. Жилинскене)²⁶. С точки зрения литовского социолога Л. Жилинскене, типы адаптации литовок к условиям жизни в СССР в 1960–1980-е годы целиком зависели от того, к какому поколению принадлежала женщина, от ресурсов ее семьи и степени идеологической «обработанности»²⁷. Интересны в этом плане выводы С. Грант, рассмотревшей изменения в репрезентации профессии медицинской сестры на протяжении всего советского периода (источники — материалы СМИ)²⁸. Ее вывод неутешительный: «динамичный» образ медсестры раннего советского времени и даже 1930-х годов сменился после войны консервативным, ассоциированным с семейной и вспомогательной ролью, с материнством и детством²⁹.

Такой же обзорно-обобщающий характер прослеживается в задачах автора публикации о гендерном составе главной молодежной организации страны — ВЛКСМ — в 1953–1985 гг. (целью автора статьи «Женщины и девушки в послевоенном комсомоле» Р. Хорнсби было оценить уровень, которого достигло равенство полов в СССР)³⁰. Выводы автора предсказуемы: женщины преобладали на низшем уровне комсомольской иерархии, а мужчины — на высшем³¹. Не добавляют нового и рассуждения о политике «государственного феминизма» в Средней Азии, которая реализовалась в ходе антирелигиозной кампании хрущевского времени. З. Юсуфджонова-Абман³² полагает, что это был новый этап борьбы за освобождение

²⁴ Jo J. Memory and history: Korean women's experiences of repression during the Stalin era // The Palgrave handbook... P. 167–181; Kurvet-Käosaar L. Travelling memory and memory of travel in Estonian women's deportation stories // Ibid. P. 183–197.

²⁵ Kalemeneva E., Lajus J. Soviet female experts in the Polar regions...

²⁶ Žilinskienė L. Women's social adaptation models in Soviet Lithuania // Ibid. P. 315–330.

²⁷ Ibid. P. 326–327.

²⁸ Grant S. Nurses in the Soviet Union: Explorations of gender in state and society // Ibid. P. 249–266.

²⁹ Ibid. P. 262.

³⁰ Hornsby R. Women and girls in the post-Stalin Komsomol // Ibid. P. 285–298.

³¹ Ibid. P. 285.

³² Yusuffjonova-Abman Z. State feminism in Soviet Central Asia: Anti-religious campaigns and Muslim women in Tajikistan, 1953–1982 // Ibid. P. 299–314.

ние «женщины Востока» от патриархальной власти, новая попытка вовлечения ее в строительство социализма, которая была, однако, столь же неудачна, как и довоенная.

Из существенных и важных текстов сборника стоит особо выделить две статьи, посвященные исторической андрологии, мужской истории 1960-х годов (в российской историографии ощущается явная нехватка «мужской» тематики). Так, в одной проанализированы представления об отцовстве и роли мужчины в домашней жизни (*male domesticity*), реконструированные К. МакКаллум на основе визуального ряда советских карикатурных плакатов и иллюстраций в журнале «Крокодил»; ею отмечен явный разрыв со сталинской эпохой, который наступил после смерти «отца нации», и большая тематизированность мужского домашнего участия³³. В статье Р. Александра «Половое просвещение и описание гомосексуальности при Хрущеве» подробно разобраны тексты руководств для врачей и педагогов, в которых впервые оказалась поставлена эта тема. Характерно, что в СССР того времени подобные брошюры никем не составлялись, брались просто переводы с чешского и немецкого, причем взгляды авторов переводимых текстов уже тогда в мировой науке считались устаревшими. Зато для СССР перевод такой литературы означал переход от политики искоренения «родимых пятен прошлого» к борьбе с «тлетворным влиянием Запада», поскольку гомосексуализм был признан порождением буржуазного образа жизни³⁴.

Женская история эпохи «оттепели» и последовавшего застоя была бы неполна, если бы не нашлись исследователи женской социальной оппозиционности; шведские ученые М. Рунцис и Л. Залканс постарались реконструировать роль женщин в альтернативных культурных движениях в Латвии 1960–1990-х годов³⁵. Концепт «жена заключенного», который ведет свое происхождение со времен ссыльных декабристов, обрел новые грани в статье Дж. Пэллот и Ел. Катц³⁶. Они точно подметили, что в советское время к существующему тропу (обороту речи) «жена декабриста» добавились новые: «жена по переписке» (заочница), «жена бандита», расширив семантику концепта «декабристка», глубоко укорененного в русской культуре и жестко связанного с крайне патриархатными гендерными нормами.

Завершая обзор основных публикаций этого сборника и оставляя менее удачные публикации некоторых его авторов без рассмотрения, хотелось бы подчеркнуть, что и редактор книги, и участницы проекта подчеркнули значимость институционализации направления, которая выразилась в создании лабораторий и центров гендерных исследований на факультетах и в институтах РАН, множества низовых (неправительственных) женских некоммерческих организаций и партнерств, объединяющих единомышленниц, в том числе и увлеченных продвижением гендерной концепции в современную науку. Многими исследователями особо отмечены признанные ученым миром «Российская ассоциация исследователей женской истории» и «Украинская ассоциация исследователей женской истории» — обе входят

³³ *McCallum C. E.* Man about the house: Male domesticity and fatherhood in Soviet visual satire under Khrushchev // *Ibid.* P. 331–348.

³⁴ *Alexander R.* Sex education and the depiction of homosexuality under Khrushchev // *Ibid.* P. 361.

³⁵ *Runcis M., Zalkans L.* Women's role in the alternative culture movements in Soviet Latvia, 1960–1990 // *Ibid.* P. 365–380.

³⁶ *Katz E., Pallot J.* “As the thread follows the needle”: The social construction of the prisoner's wife in Russia from the nineteenth to the twenty-first century // *Ibid.* P. 381–396.

в Международную федерацию исследователей женской истории; Ассоциация женщин в изучении славистики, которая входит в состав ASEEEES — Ассоциации изучения славянских, восточноевропейских и евразийских языков в США; редколлегия «Бюллетеня женщины Востока и Запада», который публикует регулярные библиографические обновления, ныне доступные онлайн и, наконец, недавно созданный «Женский форум Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований». Все эти организации продвигают стипендии для молодежи, интересующейся женской темой и гендерными исследованиями, помогают с публикациями, академическим обменом преподавателей в области российских женских и гендерных исследований, просто поддерживают женщин в их научной и академической карьере. Собственно, рецензируемый сборник тоже является вкладом и в этот вид их научно-организационной деятельности.

Из анализа публикаций, собранных в рецензируемом «Путеводителе...», следует, что российская женская история родилась как направление в 1980-е годы и пережила в 1990-е период огромного интереса к ней, публикаторского бума. В те самые «гендерные 90-е», которые в истории российской политики сейчас склонны именовать «лихими 90-ми», эта проблематика поддерживалась западными конкурсами и грантами и привлекла массу молодых интеллектуальных сил. Сейчас этот публикаторский бум уже в прошлом. И сегодня вопрос о признании женской истории и женской темы образует не только и не столько «враждебным окружением» традиционной, андроцентричной науки, сколько равнодушием к ней и утверждением, что ее время уже прошло вместе с периодом западных грантов на ее развитие. Среди скептиков немало и тех, кто упрекает российских специалистов в области женской истории в том, что они сами за четверть века так и не смогли прийти к согласию в том, что составляет содержание их работы, определить то «послание», тот «мессэдж», которые составляют сердцевину исследовательского труда. В нашей историографии (как, впрочем, и в историографии других постсоветских государств, прежде всего Украины и Беларуси) сосуществуют с большей или меньшей степенью противостояния два типа дискурсов, претендующих на маркировку гендерных. Один из них связан с теоретическим феминизмом, а другой дистанцируется от него.

На рубеже веков и тысячелетий объединительным моментом для сторонниц направления женской и гендерной истории стало желание сопоставить женские практики разных континентов, регионов и стран — задача, ранее решавшаяся лишь этнографами. Как влияет на отношения полов культурный трансфер и глобализация, какие последствия имеет для мужчин и женщин влияние политик, идеологий и конфессий — вот темы, которые оказались на острие дебатов в конце нулевых и в десятые годы XXI века. Огромными проблемами в 2010-е годы стали миграция, гендерная политика в области миграции, различия путей и скорости натурализации мужчин и женщин. В решении их оказалось так много сложностей, что стало уже не до размежеваний активисток (феминисток) и интеллектуалок, видящих в истории женщин и женственности прежде всего историю идей. Описанная выше картина характеризует успехи и поражения женской и гендерной истории за последние 25 лет ее развития в Европе и Америке. Эта тема была поставлена во главу угла большого круглого стола на XXII Конгрессе исторических наук в августе 2015 г., который состоялся в Цзиньяне (Китай). Круглый стол подвел итоги раз-

вития Международной федерации исследовательниц женской истории и выявил присутствие вышеописанных двух типов научного говорения, двух дискурсов в отношении предмета и задач женской и гендерной истории. Есть следы этих сосуществующих дискурсов и в сборнике, выпущенном в 2018 г.

References

- Alexander R. Sex Education and the Depiction of Homosexuality under Khrushchev. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 349–364.
- Attwood L., Isupova O. “To Give Birth or Not to Give Birth?": Having Children in Soviet and Post-Soviet Russia. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 447–462.
- Bol'shakova O. V. *Gender Dimension of Russian History: Recent Western Historiography*. Moscow, INION RAN Publ., 2010. 122 p. (In Russian).
- Bol'shakova O. V. *American Russian Studies after the Cold war*. Moscow, INION RAN Publ., 2013, 238 p. (In Russian)
- Engel B. A. On the Eve: Gender, Historiography and the Prelude to Revolution. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 55–68.
- Gradszkova Yu. Emancipation at the Crossroads: Between the “Woman Question” and the “National Question”. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 117–132.
- Grant S. Nurses in the Soviet Union: Explorations of Gender in State and Society. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 249–266.
- Hornsby R. Women and Girls in the Post-Stalin Komsomol. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 285–298.
- Ilic M. “Equal pay for equal work”: Women’s Wages in Soviet Russia. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 101–116.
- Ilic M. *Life Stories of Soviet Women: The Interwar Generation*. London; New York, Routledge, 2013. XI, 184 p.
- Ilic M. *Women in the Khrushchev era*. Ed. by M. Ilić, S. E. Reid, L. Attwood. New York, Palgrave MacMillan, 2004. XIV, 254 p.
- Jo J. Memory and History: Korean Women’s Experiences of Repression during the Stalin Era. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 167–181.
- Kalmeneva E., Lajus J. Soviet Female Experts in the Polar Regions. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 267–284.
- Katz E., Pallot J. “As the Thread Follows the Needle”: The social Construction of the Prisoner’s Wife in Russia from the Nineteenth to the Twenty-First Century. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 381–396.
- Klots A. The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 83–100.
- Krafft K. E. Sophia on the Street: Boulevard Literature Denies the Divine. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 41–54.
- Kurvet-Käosaar L. Travelling Memory and Memory of Travel in Estonian Women’s Deportation Stories. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 183–197.

- Marcwick R. "The Motherland calls": Soviet Women in the Great Patriotic War, 1941–1945. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 217–232.
- McCallum C.E. Man about the House: Male Domesticity and Fatherhood in Soviet Visual Satire under Khrushchev. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 331–348.
- Nagy S. Vera Zasulich: The Legacy of a Female Terrorist. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 25–40.
- Pushkareva N. Gendering Russian Historiography. *Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field*. Eds M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 2–15.
- Pushkareva N. L. *Gender theory and historical knowledge*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2007, 496 p.
- Rowley A. Russian revolutionary as American celebrity: A case study of Yekaterina Breshko-Breshkovskaya. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 7–24.
- Runcis M., Zalkalns L. Women's role in the alternative culture movements in Soviet Latvia, 1960–1990. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 365–380.
- Scheide C. "Unstintingly master warfare": Women in the Red Army. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 233–248.
- Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton, Princeton University Press, 1978, 464 p.
- Tabachnikova O., Vinokurova N. New Russian "Macho" between Literature and Life. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 429–446.
- Turton K. Gender and Family in the Russian Revolutionary Movement. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 69–82.
- Waters E. Heroism in the Frame: Gender, Nationality and Propaganda in Tashkent and Moscow, 1924–1945. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 199–216.
- Waterlow J. *Babushka*, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 133–148.
- Yusufjonova-Abman Z. State Feminism in Soviet Central Asia: Anti-religious Campaigns and Muslim Women in Tajikistan, 1953–1982. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 299–314.
- Žilinskienė L. Women's Social Adaptation Models in Soviet Lithuania. *The Palgrave handbook of women and gender in twentieth-century Russia and the Soviet Union*. Ed. by M. Ilic. London, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 315–330.

Статья поступила в редакцию 26 июля 2019 г.

Рекомендована в печать 2 декабря 2019 г.

Received: July 26, 2019

Accepted: December 2, 2019